

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Орган Центрального Комитета ВЛКСМ

№ 166 (8954)

Четверг, 15 июля 1954 г.

ЦЕНА 20 КОП.

Памятник А. П. Чехову в Ялте.

НАШ ЧЕХОВ

Посвятить Антону Павловичу Чехову несколько благодарных, от души идущих слов может, по-моему, каждый советский человек, начиная с юношеского, а то и с детского возраста. Чехова любят советские люди. Люблю и я, хотя не могу похвалиться ни глубоким знанием его жизни, ни детальным изучением всего огромного творческого богатства писателя. Знакомство мое с его рассказами всего лет на десять моложе меня самого.

Родился я тремя годами позже Великого Октября. Вполне понятно, что все то, что сейчас у нас принято называть пережитками капитализма, выглядело тогда, как булыжник новой мостовой, угловатый и острый. В школе, в пионерском отряде я получал ясное представление о тяжелом прошлом отцов. Дома родители мои не искажали этого представления, но была еще улица с разнообразием встреч, обрывками разговоров взрослых. И тут-то, в шумном и пестром обилии суждений, воспоминаний, возникали вопросы, сомнения.

Мне особенно памятен сторож городского сада, седенький вездесущий старикашка Матвейч. Попасть в сад всеми дозволенными и недозволенными путями, посмотреть кинокартину столько раз, сколько она демонстрировалась в городе, было делом чести для меня и моих босоногих друзей. Одним из дозволенных способов было угождение деду Матвейчу. В нашей компании дед был особенно словоохотлив, казалось, что он с нами наверстывает вынужденное молчание.

Любимой темой Матвейча было сопоставление цен прошлых, «в то время», и нынешних. Воспоминания сопровождалось тяжелыми вздохами сожаления. Цены на сапоги, французские булочки, помню, меня мало трогали, но конфеты всегда одолевали своей дешевизной — на них я был лаком. Число их, по словам деду, на копейку было так сказочно, что я никак не мог представить себе плохую жизнь человека «в то время».

В устах деду Матвейча конфеты были художественным образом, который до смешного убедительно действовал на меня. И нужен был другой образ, большей художественной силы, чтобы я детской душой возненавидел это темное «то время». Одним из таких образов и, пожалуй, первым оказался чеховский Ванька Жуков. Ванька Жуков разрушил то, что сознательно или несознательно начал строить дед Матвейч.

Чехов взял вместо заманчивой сладкой карамели соленую, холодную селедку этого самого «того времени» и «ткнул ейной мордой мне в харю». После прочтения рассказа «Ванька» я по-детски, но ясно и сознательно осудил прошлое. Я ни за что бы не хотел, думалось мне, жить «при старом режиме».

Судьба Ваньки Жукова была правдой, неприкрытой и горькой, воплощенной в художественный образ необыкновенной чеховской силы. Такой силы, что я немало плакал от обиды за то, что Ванька не указал в адресе названия деревни и что письмо не дойдет до бабушки.

Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что именно в том секрет нашей любви к Чехову, что умел он не только рассказать о том, чему мы не были свидетелями, но и показать все это ярко, выпукло, в немногих словах. Ни в одном из прочитанных мной рассказов я не встречал, чтобы Чехов просил поверить ему на слово: вот, мол, смо-

три, это — порок, это — зло, избавившись от него, ты станешь благороднее, чище. Нет, он не поучает. Он верит в силу разума своего читателя.

Мы ценим Чехова за то, что любимыми героями его были Дымовы, Астровы, дяди Вани, Нади и Саши, за волнение к их судьбе, сочувствие к их горю и радости. Мы любим Чехова за его ненависть к унтерам Пришибеевым, Ионычам и «душечкам» — за гневное, обличающее слово сатиры, острой и непримиримой.

Думается мне: оживи сейчас Чехов, он тотчас узнал бы своих героев, обыкновенных русских людей, по родным, но теперь уже ярко, свободно и гордо сверкающим чертам, которые когда-то в потемках с трудом улавливал он в «тине ужасающих мелочей» и воспеивал, доказывая, на что способен русский человек, будь он свободен. Чехов увидел бы людей прекрасных лицом, одеждой, душой и мыслями.

Увидел бы Чехов удивившихся ему когда-то богатейшей, услышал бы их молодые голоса. И степь, о бесполезности богатства и красоты которой он сожалел и которую воспеивал в одном из лучших своих произведений, эта степь гремела бы вокруг него, простираясь до горизонта океаном хлебов, и кланялась бы ему в ноги тяжелым колом за веру в счастье грядущее и сочувствие к ней.

Люди чеховской мечты окружают нас, люди, которым «к лицу богатейший размах». Есть у меня друг Серафим Кузнецов. И внешностью и характером он мне всегда напоминает чеховского «незаметного», но «великого» Дымова. Серафим работал у нас в цехе. А после работы его можно было встретить в лаборатории резания металлов, вечером — в институте, а в часы отдыха — в чеховом драмкружке. Он много читал, состоял в четырех библиотеках. Готовясь к защите диплома, Серафим, вопреки советам товарищей, избрал трудную, мало разработанную тему и успешно защитил свой проект.

После защиты диплома молодого инженера назначили заместителем начальника техчасти громадного цеха. Казалось бы, лучшего и желать нельзя. Но вот передо мной заводская газета «Сталинец» за 11 февраля 1954 года. Под заголовком «Сельское хозяйство — увлекательная область работы» — портрет Серафима Кузнецова, начальника ремонтных мастерских одной из МТС Можайского района Московской области. Он пишет: «Мне хочется обратиться с призывом к молодежи автозавода — ехать на работу в МТС».

За годы нашей дружбы я понял, что такие люди, как Серафим, сознательно ищут трудностей, закаляют себя для чего-то большого и важного в жизни. Не о нем ли сказал когда-то Чехов: «А какая нравственная сила! Добрая, чистая, любящая душа — не человек — стекло», а я бы добавил: не человек, а сталь.

У наших автозаводцев во многих квартирах на столиках рядом с фамильными альбомами, где хранятся фотографии родных, друзей и товарищей, лежат и томики Антона Павловича Чехова. И это вполне понятно. Чехов был, есть и будет всегда человеком родным для советского труженика, любимым писателем.

Аркадий ШАВИН,
технический контролер
модельного цеха
автозавода имени Сталина.